HD
2958

БИБЛІОТЕКА КООПЕРАТОРА
подъ редакціей Е. ЛЕНСКОЙ.
№ 10.

К. ПАЖИТНОВЪ.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ,

КАКЪ ПЕРВЫЙ ТЕОРЕТИКЪ КООПЕРАЦІИ ВЪ РОССІИ.

3-е ИЗДАНІЕ
Московскаго Союза Потребительныхъ Обществъ.
Москва—1917.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ Московскаго Союза Потребительныхъ О-въ:

I. Счетоводство потребительныхъ обществъ.

В. Зельгеймъ и И. Шаловъ. Счетоводство потребительныхъ о-въ. Двѣ части. *Изданіе 3-е.* . . . . . 3 р. — „

Е. Егоровъ. Полное счетоводство для сельскихъ потребительныхъ о-въ по упрощенн. американской системѣ. *Изд. 3-е.* Цѣна 1 р. 75 к.

И. Шаловъ. Матеріалы для веденія практическихъ занятій на курсахъ по счетоводству п-ыхъ о-въ . . . . . 2 „ 50 „

І. Кобылянскій. Счетоводство кооперативныхъ хлѣбопекаренъ — р. 80 к.

II. Организація и практика потребит. о-въ.

Серія „Практическія указанія для учредителей и руководителей п-ыхъ о-въ".

№ 1. Предварительныя указанія учредителямъ потребительныхъ обществъ . . . . . — р. 3 к.

„ 2. Устройство учредительнаго собранія . . . . . — „ 12 „

„ 3. Первые шаги Правленія . . . . . — „ 15 „

„ 4. Инструкція Правленію и Ревизіонной Комиссіи. Указанія для провѣрки товаровъ. Указанія для провѣрки кассы — „ 15 „

„ 5. Наемъ и устройство лавки . . . . . — „ 12 „

„ 6. Инструкція приказчику Договоръ съ отвѣтственнымъ приказчикомъ, съ правилами его составленія . . . . . — „ 15 „

„ 7. Объ учетѣ отвѣтственнаго приказчика. О завѣсахъ и провѣсахъ. Инструкція для провѣрки товаровъ . . . . — „ 15 „

„ 8. Гербовый сборъ . . . . . — „ 15 „

„ 9. Кооперативная пропаганда „Знаніе—сила" . . . . . — „ 15 „

„ 10. Устройство общаго собранія. Инструкція для общ. собранія. — „ 8 „

„ 11. Правила о торговлѣ . . . . . — „ 10 „

„ 12. Промысловое обложеніе . . . . . — „ 20 „

„ 13. Провѣрка и клейменіе мѣръ и вѣсовъ . . . . . — „ 15 „

Сборникъ практическихъ указаній для учредителей и руководителей о-въ потребителей (изданіе 4-е), въ переплетѣ . . . 1 „ 75 „

Краткія указанія по организаціи союзовъ и объединеній потребительныхъ о-въ . . . . . — „ 25 „

Проектъ устава Союза П-ныхъ О-въ . . . . . — „ 8 „

В. Зельгеймъ. Кредитъ и потребительская кооперація. Изд. 2 распродано.

Его же. Организація и практика п-ныхъ о-въ. *(Печатается).*

З. Ленскій. Ревизія и инструктированіе п-ныхъ о-въ въ Зап. Европѣ — р. 12 к.

А. Никитинъ Какъ организовать о-во взаимопомощи. 2-е изд. . . — „ 12 „

Коллективный договоръ о наймѣ служащихъ, заключенный между С. П. О-въ и обществами взаимопомощи служащихъ — „ 35 „

Обзоръ дѣятельности органа надзора по наблюденію за исполненіемъ коллект догов. М. С. П. О. . . . . — „ 10 „

III. Товаровѣдѣніе.

В. Махновецъ Мясное дѣло въ потребительныхъ обществахъ 1 „ 50 „

И. Коняевъ. Грибы . . . . . — „ 10 „

А. Лапинъ. Торговля мануфактурой въ кооперативахъ . . . . 1 „ 75 „

І. Галантерея. II. Желѣзо-скобяные товары. . . . . — „ 15 „

IV. Вопросы кооперації.

Б. Веніаминовъ. Алкоголизмъ и кооперація . . . . . — „ 35 „

Кильчевскій. Р. Оуэнъ и основы потребит. кооперації. 2-ое изд. — „ 30 „

А. Никитинъ. Общій кооперативный законъ . . . . . — „ 30 „

П. Блиновскій. Къ вопросу объ устройствѣ коопер. санаторій — „ 25 „

М. Рѣзановъ. „Архипо-Осиповка". 1-й кооперативный санаторій . — „ 25 „

О пріемахъ статистическаго изученія кооперації (2-е изд. печат.).

Фраинъ-Каменецкій. Сельскохозяйственная кооперація въ Даніи . — „ 10 „

Ширскій. Сельскохозяйственная кооперація въ Бельгіи . . . . — „ 10 „

(Продолж. на 3-й стр. обложки.)

К. Пажитновъ.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

Н. Г. Чернышевскій, какъ первый теоретикъ кооперации въ Россіи.

„Экономическая исторія движется къ развитію принципа товарищества".

Чернышевскій.

Во второй половинѣ XVIII вѣка въ Англіи, а затѣмъ также во Франціи, Германіи и другихъ странахъ—сталъ обнаруживаться глубокій экономическій переворотъ, который знаменовалъ собою торжество крупнаго капитала. Изобрѣтенія Аркрайта, Гаргривса и др. вызвали на свѣтъ прядильную и ткацкую машины, которыя въ нѣсколько десятковъ разъ увеличили производительность человѣческаго труда. Подобныя же открытія въ области техники были сдѣланы затѣмъ въ цѣломъ рядѣ другихъ отраслей промышленности, а изобрѣтеніе паровой машины Джемсомъ Уаттомъ поставило къ услугамъ предпринимателей новый могущественный двигатель, безконечно превосходившій всѣ прежніе. Наступила новая эпоха—пара и машиннаго производства... Благодаря этому перевороту въ области техники, крупное производство стало вытѣснять мелкое, и вмѣсто скромныхъ ремесленныхъ мастерскихъ, которыя господствовали прежде, теперь главный тонъ въ промышленной жизни стали задавать уже огромныя и шумныя фабрики и мануфактуры съ сотнями или тысячами рабочихъ. Мелкіе города на глазахъ одного поколѣнія превращались въ крупные центры, народное богатство росло съ неслыханной раньше быстротой, но рядомъ съ этимъ скоро стали обнаруживаться и крайне отрицательныя послѣдствія: пауперизмъ (бѣдность), паденіе нравовъ, обостреніе отношеній между рабочими и хозяевами, экономическіе кризисы, безработица, стачки и т. п. Общественная мысль не могла не задуматься надъ этими явленіями, и вотъ мы видимъ, что въ началѣ XIX вѣка появляется цѣлый рядъ соціальныхъ системъ, которыя съ разныхъ сторонъ и разныхъ точекъ зрѣнія подвергали рѣзкой критикѣ существующій общественный строй и стали извѣстны впослѣдствіи подъ именемъ соціализма. Таковы системы великихъ утопистовъ [1]) — Р. Оуэна, Сенъ-Симона, Ш. Фурье и ихъ учениковъ. И во всѣхъ этихъ системахъ одно изъ центральныхъ мѣстъ занимаетъ идея ассоціаціи или кооперации; въ ней вышеупомянутые соціальные реформаторы видѣли могущественное средство уничтожить пауперизмъ, освободить наемнаго рабочаго отъ тираніи капитала, сдѣлать его независимымъ и матеріально обезпеченнымъ. По словамъ Фурье, экономисты „должны, оставивъ всѣ другія дѣла, поставить себѣ главной задачей и наиболѣе спѣшнымъ занятіемъ изученіе ассоціаціи. Она является основаніемъ всей хозяйственной жизни: зародыши ея разсѣяны во всемъ соціальномъ механизмѣ.

[1]) Утописты—это люди, мечтающіе о новомъ соціальномъ строѣ, который въ данное время еще нигдѣ не осуществленъ.

Мы повсюду, и въ маломъ, и въ великомъ, находимъ зародыши добра, необдѣланные алмазы, которые наука должна отшлифовать. Задача науки состоитъ въ томъ, чтобы развить въ единый, всеобъемлющій и сложный механизмъ эти обрывки ассоціаціи, разсѣянные во всѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ они возникали случайно и подъ вліяніемъ инстинкта". Подобнымъ механизмомъ и явилась изобрѣтенная имъ *фаланга*, представляющая изъ себя ассоціацію нѣсколькихъ сотъ семействъ, совмѣстно ведущихъ свое хозяйство. Въ этой общинѣ производство какъ земледѣльческихъ, такъ и промышленныхъ продуктовъ ведется сообща, въ крупныхъ размѣрахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, господствующая нынѣ система наемнаго труда, при которой рабочій не заинтересованъ въ успѣшности своего труда, замѣняется системой участія всѣхъ въ общемъ продуктѣ пропорціонально участію каждаго въ производствѣ. Частная собственность на средства и орудія производства уничтожается, но для предметовъ потребленія — остается. Каждый можетъ жить и вести свое домашнее хозяйство, гдѣ и какъ угодно, сообразно своимъ вкусамъ, но собственная выгода должна побуждать его къ совмѣстной жизни и къ участію въ коллективной организаціи потребленія. Поэтому центральное мѣсто въ системѣ Фурье занимаетъ фаланстеръ—обширный дворецъ, въ которомъ сосредоточивается почти вся жизнь общины. Каждая такая ячейка представляетъ собою замкнутое, самодовлѣющее цѣлое; обмѣна внутри ея не существуетъ, и члены удовлетворяютъ свои потребности натурою— при помощи продуктовъ, производимыхъ въ предѣлахъ ассоціаціи.

Подобный же характеръ носятъ и тѣ коммуны, которыя устраивались Оуэномъ и его послѣдователями въ Англіи и Америкѣ.

Правда, современное кооперативное движеніе, выросшее нынѣ въ мощную силу, очень далеко въ сущности отъ тѣхъ теоретическихъ построеній, которыя были выработаны въ свое время Р. Оуэномъ или Ш. Фурье, но тѣмъ не менѣе исторически оно несомнѣнно съ ними связано, а въ нѣкоторыхъ изъ частей его духъ послѣднихъ живъ еще и понынѣ.

Новыя теоріи, вскорѣ послѣ своего появленія, обратили на себя вниманіе и въ Россіи. Знакомство съ ними обнаружили уже нѣкоторые изъ декабристовъ, какъ Пестель, фонъ-Визинъ и др. Въ тридцатыхъ годахъ кружокъ Герцена-Огарева сильно увлекался ученіемъ Сенъ-Симона, а вскорѣ затѣмъ въ кругахъ интеллигенціи заговорили и о другихъ соціальныхъ системахъ. „Когда осенью 1843 г. я прибылъ въ Петербургъ,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ П. В. Анненковъ, то далеко не покончилъ всѣ расчеты съ Парижемъ, а напротивъ встрѣтилъ дома отраженіе многихъ сторонъ тогдашней интеллектуальной его жизни. Книга Прудона о собственности, тогда уже почти старая; „Икарія" Кабэ, мало читаемая въ самой Франціи, за исключеніемъ небольшого круга мечтательныхъ бѣдняковъ-работниковъ; гораздо болѣе ея распространенная и популярная система Фурье—все это служило предметомъ изученія, горячихъ толковъ, вопросовъ и чаяній всякаго рода... Книги названныхъ авторовъ были во всѣхъ рукахъ въ эту эпоху, подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили, какъ прежде Шеллингъ и Гегель, своихъ ораторовъ,

комментаторовъ, толковниковъ, а нѣсколько позднѣе, чего не было съ прежними теоріями, и своихъ мучениковъ. Теоріи Прудона, Фурье, къ которымъ позднѣе присоединился Луи-Бланъ съ извѣстнымъ трактатомъ „Organisation bu travail“ (организація труда), образовали у насъ особенную школу, гдѣ всѣ эти ученія жили въ смѣшанномъ видѣ и исповѣдывались какъ-то за разъ адептами (т.-е. приверженцами) ея“.

Особенно посчастливилось у насъ идеямъ Фурье; въ концѣ сороковыхъ годовъ вокругъ М. В. Петрашевскаго образовался довольно значительный кружокъ лицъ, съ увлеченіемъ предававшихся изученію сочиненій автора „Четырехъ движеній“ и „Новаго промышленнаго міра“. Самъ Петрашевскій также былъ убѣжденнымъ фурьеристомъ; зимою 1846—47 г. онъ пытался даже примѣнить свои идеи на практикѣ въ принадлежавшемъ ему поселкѣ Новгородской губ. А именно, онъ проектировалъ выстроить одну просторную избу, гдѣ бы помѣстить всѣ семь семействъ его крѣпостныхъ, каждое въ отдѣльной комнатѣ, но съ общей кухней и такой же залой для общихъ зимнихъ работъ и посидѣлокъ, съ надворными постройками и амбарами для домашнихъ принадлежностей, запасовъ и инструментовъ, которые также должны были быть общими, какъ и все вообще крестьянское хозяйство. Однако, опытъ этотъ кончился неудачно, несмотри на обѣщаніе купить заново всѣ необходимыя сельскія орудія и домашнюю утварь; не возражая ничего прямо противъ этой господской затѣи, крестьяне наканунѣ переселенія въ „фаланстеръ“ сожгли его со всѣми постройками... Это, однако, не обезкуражило окончательно Петрашевскаго, и онъ впослѣдствіи высказалъ надежду, что ему придется еще на своемъ вѣку увидѣть фаланстеръ и жить въ немъ. Онъ вполнѣ серьезно предлагалъ также правительству, въ числѣ мѣръ, полезныхъ для Россіи, отпустить для устройства образцоваго фаланстера подъ Парижемъ 2 милліона рублей ассигнаціями, подъ соотвѣтственные проценты.

Равнымъ образомъ и въ кружкѣ Дурова имѣлось нѣсколько пылкихъ приверженцевъ новыхъ соціальныхъ теорій которые, „увлекаясь гуманными утопіями европейскихъ реформаторовъ, видѣли въ ихъ ученіи начало новой религіи, долженствующей будто бы пересоздать человѣчество и устроить общество на новыхъ началахъ“. Все, что являлось новаго по этому предмету во французской литературѣ, постоянно получалось, распространялось и обсуждалось на сходкахъ.

Толки о Нью-Ланаркѣ Роберта Оуэна и объ Икаріи Кабэ, а въ особенности о фаланстерѣ Фурье и теоріи прогрессивнаго налога Прудона, занимали значительную часть вечера, и цѣлью собраній у Кашкина выставляется изученіе новыхъ соціальныхъ системъ, но „преимущественно системы Фурье, и примѣненіе ихъ къ быту Россіи“ и т. д. Какъ видно отсюда, идеи западно-европейскихъ утопистовъ возбудили въ нашей интеллигенціи большой интересъ, и передъ нею естественно долженъ былъ встать вопросъ—какое, собственно, примѣненіе могли онѣ получить въ условіяхъ русской жизни. Первая, хотя и очень несовершенная, попытка поднять и освѣтить данный вопросъ была сдѣлана нѣмецкимъ изслѣдователемъ бар. Гакстгаузеномъ.

Совершивъ въ 1843 г. путешествіе по Россіи, онъ первый высказалъ въ своей книгѣ — Studien über die inneren Zustände, das

Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands (есть русскій переводъ) — мысль о близости своеобразныхъ особенностей ея экономическаго строя съ новѣйшими соціальными стремленіями Запада. „Община обезпечиваетъ Россіи неизмѣримыя выгоды,— пишетъ онъ,— такъ какъ тамъ до сихъ поръ нѣтъ никакого пролетаріата, да послѣдній и не можетъ образоваться, пока существуетъ общинный строй". Благодаря этому ей „нечего бояться тѣхъ революціонныхъ направленій, которыя въ настоящій моментъ угрожаютъ Европѣ—пауперизма, пролетаріата и доктринъ (т.-е ученій) сенъ-симонизма и соціализма, ибо она въ этомъ отношеніи представляетъ здоровый организмъ. Во всѣхъ другихъ странахъ Европы глашатаи соціальной революціи подкапываются подъ богатство и собственность: уничтоженіе права наслѣдства и равномѣрное распредѣленіе земли— вотъ лозунгъ этихъ революціонеровъ. Въ Россіи такая революція невозможна, такъ какъ утопія европейскихъ революціонеровъ получила въ этой странѣ свое осуществленіе въ народной жизни". Что касается невыгодныхъ сторонъ общиннаго землевладѣнія, то по мнѣнію автора— онѣ могутъ быть устранены многими способами, не касаясь самаго принципа. „Напримѣръ, онѣ могли бы быть, вѣроятно, устранены, если бы было обращено вниманіе на то, чтобы возстановить, особенно, въ маленькихъ обществахъ или при раздѣленіи большихъ на части, первобытный способъ путемъ уничтоженія дѣлежа земли и установленія совмѣстной ея обработки. Я считаю это возможнымъ у народа, столь привыкшаго слѣдовать духу общинной власти. Что при такомъ общинномъ воздѣлываніи земли хлѣбопашество можетъ быть производимо гораздо лучше и раціональнѣе, и что никто не потерпитъ обиды отъ того, когда раздѣлъ земли замѣнился бы раздѣломъ жатвы на полѣ, кажется мнѣ несомнѣннымъ".

Не менѣе своеобразны взгляды Гакстгаузена въ области промышленности. Благодаря ли поверхностности изученія, или вслѣдствіе другихъ какихъ причинъ, но только онъ приписалъ нашимъ кустарнымъ промысламъ артельный характеръ и въ его изображеніи они вышли „свободными промышленными ассоціаціями, напоминающими объ ассоціаціяхъ сенъ-симонистовъ". Съ незапамятныхъ временъ,—пишетъ онъ,—во многихъ частяхъ Россіи существуетъ промышленная дѣятельность, которая, опираясь на русское общинное устройство, образуетъ собою родъ національныхъ фабричныхъ асоціацій. Послѣднія представляютъ собою въ дѣйствительности не что иное, какъ то, что сенъ-симонистскія теоріи выставили въ качествѣ образца для соціальнаго преобразованія Европы. „Чисто русской формой производства промышленныхъ продуктовъ является ремесленная община, организованная въ видѣ фабрики. Цѣлыя деревни и мѣстечки или, вѣрнѣе, всѣ жители ихъ занимаются однимъ и тѣмъ же ремесломъ. Существуютъ деревни, которыя производятъ только сапоги, другія производятъ только столы и стулья, третьи—горшки и т. д. Одно или нѣсколько семействъ работаютъ фабричнымъ способомъ, съ раздѣленіемъ труда между собою, и имѣютъ склады въ большихъ городахъ и на ярмаркахъ. Этотъ рядъ ремесленнаго производства существуетъ повсюду въ странѣ и является чисто національнымъ".

Въ дѣйствительности, однако, кустарная промышленность, о которой говоритъ авторъ, вовсе не имѣла у насъ артельнаго характера: въ основѣ ея лежитъ трудъ членовъ семьи, съ присоединеніемъ иногда наемныхъ рабочихъ. Во-вторыхъ, представляя изъ себя работу на дому за чужой счетъ, кустарная промышленность является въ сущности лишь мелкой формой товарнаго производства, т.-е. одной изъ раннихъ стадій въ развитіи капитализма.

Въ силу этихъ двухъ основаній — отсутствія кооперативнаго (артельнаго) начала и зависимости отъ посредника—какая бы то ни было аналогія между нашими кустарями и свободными промышленными ассоціаціями соціальныхъ реформаторовъ Запада представляется дѣтски наивной.

Но Гакстгаузенъ не удовольствовался этимъ и пошелъ дальше.

Если народная промышленность организована на началахъ ассоціаціи, то почему бы не организовать подобнымъ образомъ и крупное производство? „Почему нельзя было бы, — спрашиваетъ онъ, — при большой покорности и естественной уступчивости простого русскаго народа основать, напр., среди государственныхъ крестьянъ хлопчатобумажныя фабрики? Мастера и руководители для фабрикъ изъ Англіи и Германіи все равно были необходимы, и основанныя дворянами предпріятія выписывали ихъ для себя, да и теперь еще они находятся, пожалуй, на большинствѣ фабрикъ. Зданія для машинъ и самыя машины должны быть, конечно, поставлены на счетъ казны, при чемъ она могла бы для покрытія процентовъ устанавливать цѣны на пряжу, затѣмъ предоставила бы рабочимъ ткацкіе станки, научила ихъ при помощи мастеровъ обращаться съ ними и, въ заключеніе, передала бы веденіе производства старинным русскимъ фабричнымъ ассоціаціямъ-общинамъ. Конечно, вначалѣ потребовались бы многократныя указанія, руководство и даже принужденіе, но при большой уступчивости и техническихъ способностяхъ русскихъ все дѣло скоро бы наладилось, и эти новыя производства быстро бы ассимилировались съ уже существующими“. Подобный же образъ дѣйствій онъ рекомендовалъ и по отношенію къ частнымъ предпріятіямъ. „Въ настоящее время большинство фабрикъ работаетъ не собственными крѣпостными, а нанимаетъ рабочихъ по вольному найму и за опредѣленную плату. Если бы обязать фабрикантовъ организовать своихъ рабочихъ въ общины, взять на себя полное и строгое господское попеченіе, построить для нихъ общинные магазины, школы, больницы и т. п. и если бы запретить фабрикантамъ прогонять рабочихъ, напр., въ случаѣ старости, инвалидности и пр., безъ опредѣленныхъ, указанныхъ въ законѣ, причинъ, то этимъ можно было бы избѣжать многихъ вредных[illegible] послѣдствій, напр., деморализаціи фабричныхъ рабочихъ“.

Несмотря на это странное соединеніе соціально-реформаторскихъ стремленій въ духѣ сенъ-симонизма съ крѣпостничествомъ и бюрократизмомъ (отчасти объясняемое, можетъ быть, тѣмъ, что въ ученіи Сенъ-Симона идея авторитета занимала очень видное мѣсто), взгляды нѣмецкаго путешественника произвели сильное впечатлѣніе на умы передовой интеллигенціи того времени и легли въ основу цѣлаго на-

правленія нашей общественной мысли, получившаго впослѣдствіи названіе *народничества*; сущность послѣдняго заключалась именно въ идеализаціи примитивныхъ учрежденій натурально-хозяйственнаго строя—общины и артели, при помощи которыхъ Россія должна была бы, минуя капиталистическую стадію развитія, сразу перейти въ свѣтлое царство будущаго...

Нужно замѣтить, однако, что новыя соціальныя теоріи Запада, по цензурнымъ условіямъ того времени, не могли подвергаться свободному обсужденію и критической оцѣнкѣ (за исключеніемъ развѣ того извращеннаго изображенія ихъ, какое наблюдается, напр., въ книгѣ Гакстгаузена). Это стало возможнымъ лишь со второй половины пятидесятыхъ годовъ, когда начался подъемъ нашей общественной жизни, совпавшій съ крупнымъ измѣненіемъ экономическихъ условій страны: подготовлялся къ разрѣшенію крестьянскій вопросъ, развивалась промышленность, строились желѣзныя дороги и т. д.

Къ этому-то времени и относится выступленіе на литературное поприще Чернышевскаго, въ лицѣ котораго глубокая критическая мысль соединялась съ обширными и разносторонними познаніями.

Н. Г. Чернышевскій родился 12 іюля 1828 г. въ Саратовѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Получивъ дома основательную подготовку и пробывъ около двухъ лѣтъ въ семинаріи, онъ затѣмъ поступилъ въ Петербургскій университетъ, гдѣ готовился къ ученой карьерѣ. Его неудача съ его диссертаціей объ „эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности“, которая не получила утвержденія со стороны министра народнаго просвѣщенія за высказанныя въ ней новыя идеи, казавшіяся черезчуръ крайними, укрѣпили его въ мысли, которая соблазняла его и раньше—посвятить себя публицистической дѣятельности... „Для русскаго человѣка — писалъ онъ — единственно возможная заслуга передъ высокими идеями правды, искусства, науки— содѣйствіе распространенію ихъ въ его родинѣ. Со временемъ будутъ и у насъ, какъ у другихъ народовъ, мыслители и художники, дѣйствующіе чисто только въ интересахъ науки или искусства; но пока мы не станемъ по своему образованію наравнѣ съ наиболѣе успѣвшими націями, есть у каждаго изъ насъ другое дѣло, болѣе близкое сердцу, — содѣйствіе по мѣрѣ силъ дальнѣйшему развитію того, что начато Петромъ Великимъ. Это дѣло до сихъ поръ требуетъ и, вѣроятно, долго будетъ требовать всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, какими обладаютъ наиболѣе одаренные сыны нашей родины“.

Въ серединѣ 50-хъ годовъ Чернышевскій вступаетъ въ составъ редакціи журнала „Современникъ“ и беретъ на себя разработку общественно-экономическихъ вопросовъ, которые тогда пріобрѣтали огромную важность въ виду начинавшагося перелома во всѣхъ областяхъ нашей народной жизни. Онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на переходный характеръ переживаемаго тогдашнимъ обществомъ времени и вскрылъ его внутренній смыслъ. „Нельзя скрывать отъ себя,—читаемъ мы въ статьѣ о славянофилахъ и общинѣ, относящейся къ 1857 г., — что Россія, доселѣ мало участвовавшая въ экономическомъ движеніи, быстро вовлекается въ него, и бытъ нашъ, доселѣ остававшійся почти чуждымъ вліянію тѣхъ экономическихъ законовъ,

которые обнаруживаютъ свое могущество только при усиленіи промышленной и торговой дѣятельности, начинаетъ быстро подчиняться ихъ силѣ. Скоро и мы, быть можетъ, вовлечемся въ сферу полнаго дѣйствія закона конкуренціи". Точно такъ же въ критическомъ отзывѣ на книгу Гакстгаузена указывается, что „Россія вступаетъ въ тотъ періодъ экономическаго развитія, когда къ экономическому производству прилагаются капиталы. Характеръ дѣятельности производящихъ классовъ и самый бытъ ихъ необходимо должны подвергнуться отъ того великимъ измѣненіямъ... Приложеніемъ капиталовъ къ производству не только увеличиваются массы продуктовъ, но измѣняется и самый порядокъ производства". Каково можетъ быть вліяніе этого новаго фактора на наши общественныя отношенія, показываетъ нижеслѣдующее сравненіе автора, проникнутое чисто матеріалистическимъ духомъ: „различіе между проселочной и желѣзной дорогой не болѣе значительно, нежели различіе между порядкомъ патріархальной экономической дѣятельности и дѣятельности, совершающейся силою машинъ, капиталовъ и другихъ экономическихъ отношеній и двигателей, свойственныхъ новѣйшему времени. Различіе между черемисомъ и англичаниномъ не болѣе значительно, нежели различіе между земледѣльческими методами, по которымъ обрабатываются поля того и другого". Но Чернышевскій не ограничивается этими общими разсужденіями и идетъ далѣе, изображая болѣе конкретно ожидаемыя имъ измѣненія. „Волею или неволею, мы должны будемъ въ матеріальномъ бытѣ жить, какъ другіе цивилизованные народы. До сихъ поръ семейства нашихъ поселянъ покупали только соль, колеса, вино, сапоги, кушаки, серьги и пр. и пр.,—все остальное производилось домашнимъ хозяйствомъ: и сукно, и ткань для женскаго платья и для бѣлья, и обувь, и мебель, и самая изба съ печью. Скоро будетъ не то: домашнее сукно смѣнится на поселянинѣ покупнымъ фабричнымъ (мы не знаемъ,—будетъ ли онъ покупать фабричное сукно лучшаго сорта, нежели покупаетъ теперь, но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что его жена разучится ткать сукно), льняная и посконная ткани домашняго издѣлія смѣнятся хлопчатобумажными (которыя, очень можетъ быть, будутъ не выше ихъ добротою, но все-таки вытѣснятъ ихъ своей дешевизной) и т. д., и т. д. Все это совершится еще на глазахъ нашего поколѣнія въ селахъ, какъ до сихъ поръ совершалось только въ большихъ городахъ".

Изъ этихъ словъ ясно видно,—въ чемъ должно было выразиться, по мнѣнію автора, вліяніе приложенія капиталовъ къ производству: въ разложеніи господствующаго тогда натурально-хозяйственнаго строя и замѣнѣ его товарнымъ. А разъ Россія вступила на путь мѣнового хозяйства, то этимъ она вовлекалась уже „въ сферу полнаго дѣйствія закона конкуренціи", т.-е. неизбѣжно должна была пройти и стадію капитализма. Отсюда оставался въ сущности одинъ только шагъ до признанія необходимости поставить на очередь вопросъ объ изученіи тенденціи развитія капиталистическаго строя и связанныхъ съ ними соціальныхъ переспективъ, каковая проблема уже ставилась въ разсматриваемое время на Западѣ Марксомъ. Однако, Чернышевскій не дѣлаетъ этого и все свое вниманіе сосредоточиваетъ на вопросѣ о томъ, какъ Россія перескочитъ черезъ промежуточную капиталисти-

ческую стадію. Въ этомъ отношеніи онъ оставался вѣренъ духу великихъ утопистовъ начала XIX вѣка, видѣвшихъ въ ассоціаціи чудодѣйственное средство немедленнаго осуществленія „новаго міра“ *).

При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, что пропаганду ихъ идей Чернышевскій считалъ дѣломъ первостепенной важности, и его статьи въ „Современникѣ“ впервые познакомили широкую читающую публику съ новыми соціально-экономическими теоріями, которыя онъ защищалъ отъ нападокъ „экономистовъ отсталой (господствующей) школы“ съ необыкновенной энергіей и большимъ блескомъ. Но не всѣ онѣ пользовались его симпатіями и признаніемъ. До сихъ поръ русская интеллигенція воспринимала новыя теоріи пассивно и безъ разбора. Чернышевскому предстояло теперь произвести имъ критическую оцѣнку.

Относясь съ уваженіемъ къ личности Сенъ-Симона, Чернышевскій считалъ его систему въ корнѣ ошибочной. Уже въ рецензіи на книгу Гакстгаузена мимоходомъ подчеркивается, что „въ наше время говорить о сенъ-симонизмѣ—то же самое, что говорить о какой-нибудь системѣ физіократовъ или меркантилистовъ; все это дѣла минувшихъ дней, дѣла „временъ очаковскихъ и покоренія Крыма“. Болѣе подробно онъ останавливается на этомъ предметѣ въ статьѣ о процессѣ Менильмонтанскаго семейства, помѣщенной въ „Современникѣ“ за 1860 г. Основными положеніями сенъ-симонизма онъ считаетъ слѣдующія: человѣчество идетъ къ учрежденію всеобщей ассоціаціи, основанной на любви; оно идетъ къ тому, чтобы каждый получалъ по своей способности, а каждая способность по своимъ дѣламъ, и, наконецъ, къ организаціи промышленности. По мнѣнію Чернышевскаго, человѣчество, дѣйствительно, идетъ къ замѣнѣ товариществомъ или союзомъ той вражды, которая въ современной промышленной жизни принимаетъ видъ конкуренціи. Но не любовь ляжетъ въ основу такого союза, а выгода, расчетъ.

„Любовь только въ рѣдкія минуты и только въ немногихъ, особенно способныхъ къ экзальтаціи, людяхъ беретъ верхъ надъ расчетомъ, да и то можетъ побѣждать его только въ одномъ, двухъ отдѣльныхъ фактахъ, а общій характеръ дѣйствій все-таки остается подъ властью расчета или рутины, обычая, т.-е. того же расчета, только сдѣланнаго не лично нами, а цѣлымъ обществомъ, и сдѣланнаго не въ эту минуту, а давнымъ-давно и усвоившагося нами по воспитанію“. Что касается второго принципа, то онъ кажется ему явно несправедливымъ. Въ такомъ случаѣ Ньютонъ долженъ былъ бы получить сотни милліоновъ, а какой-нибудь учитель ариѳметики въ приходской школѣ долженъ оставаться нищимъ. „Если общество располагаетъ такими средствами, что за достаточнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ законныхъ потребностей каждаго человѣка, остается у него излишекъ, пусть оно распредѣляетъ этотъ излишекъ на какомъ ему угодно основаніи... но прежде всего каждый человѣкъ имѣетъ право на удовлетвореніе своихъ

*) Въ сочиненіяхъ Чернышевскаго мы не встрѣчаемъ упоминанія имени Маркса или Энгельса. Происходило ли это отъ незнакомства съ ихъ сочиненіями или это означало, что онъ не раздѣлялъ ихъ точку зрѣнія и не сочувствовалъ имъ? Вѣроятнѣе всего, что первое.

человѣческихъ потребностей". Не удовлетворяетъ его и третья форма сенъ-симонистовъ—организація промышленности. Такая организація, конечно, возможна, необходима и даже неизбѣжна. Вопросъ въ томъ только, какимъ способомъ прійти къ ней и какъ ее поддерживать. Ученики Сенъ-Симона извлекли этотъ способъ изъ фальшивой идеализаціи католицизма. Они хотѣли дѣйствовать авторитетомъ и хотѣли, чтобы выдуманныя ими правила исполнялись не по расчету или убѣжденію въ ихъ основательности, а по уваженію и преданности къ людямъ, провозглашающимъ эти правила и повелѣвающимъ хранить ихъ. Мало того: они думали, что люди, облеченные властью, будутъ стоять выше всякихъ правилъ подобно тому, какъ воля папы была, по ихъ мнѣнію, верховнымъ закономъ для католиковъ въ средніе вѣка. Для Чернышевскаго это представляется очевидной нелѣпостью.

„Мы вовсе не сочувствуемъ той формѣ стремленія къ общественнымъ реформамъ, которая называется сенъ-симонизмомъ,—такъ резюмируетъ онъ свое отношеніе къ послѣднему.—Это ученіе кажется намъ галлюцинаціей, сформировавшейся изъ ошибочной идеализаціи католицизма и, кромѣ того, носившей какой-то приторный характеръ изящной аристократичности, аффектирующей замашки сентиментальнаго демократизма. Это были свѣтскіе люди, хотѣвшіе не терять своего щегольства, накидывая на себя мужичество. Они напоминаютъ намъ золотой лапоть, лежащій, какъ говорятъ, на рабочемъ столѣ одного изъ нашихъ милліонеровъ, разыгрывающихъ роль русскаго мужичка, напоминаютъ фантастическій бархатный костюмъ, въ которомъ щеголяютъ нѣкоторые наши поклонники народности, имѣющіе съ нашимъ народомъ гораздо меньше общаго, нежели всякій французъ или нѣмецъ. Сенъ-симонизмъ смѣшитъ нашъ разсудокъ своей фантастичностью, возмущаетъ наше чувство своимъ благонамѣреннымъ іезуитизмомъ, своею апотеозою авторитета, своими поползновеніями къ артистичности. Балетная танцовщица можетъ быть хороша на своемъ мѣстѣ, но она стала бы противна, если бы, выдѣлывая свои антраша, говорила намъ о страданіяхъ бѣднаго мужика. Но, называя приторной ту форму, которую имѣло первое проявленіе мысли о преобразованіи общества, мы, конечно, должны цѣнить историческую важность этого перваго ея проявленія. Оно важно, какъ признакъ того, что пришла пора обществу заниматься идеями, выразившимися на первый разъ въ этой неудовлетворительной формѣ. Скоро мы увидимъ, что онѣ стали проявляться въ формахъ болѣе разсудительныхъ и доходить до людей, у которыхъ бываютъ уже не восторженной забавой, а дѣломъ собственной надобности, а когда станетъ разсудительно заботиться о своемъ благополучіи тотъ классъ, съ которымъ хотѣли играть кукольную комедію сенъ-симонисты, тогда, вѣроятно, будетъ лучше ему жить на свѣтѣ, чѣмъ теперь".

Гораздо выше ставитъ Чернышевскій планы соціальнаго преобразованія, принадлежащіе Р. Оуэну, Ш. Фурье и Луи-Блану; его собственныя воззрѣнія очень многимъ обязаны послѣднимъ, хотя онъ и обосновываетъ ихъ по-своему. Съ системой Оуэна читатели „Современника" были ознакомлены статьей подъ названіемъ „Робертъ Овенъ и его попытки общественныхъ реформъ",—помѣщенной въ № 1 за

1859 годъ и приписывавшейся нѣкоторое время Николаю Гавриловичу, хотя на самомъ дѣлѣ она принадлежала Добролюбову; въ ней авторъ отмѣчаетъ, между прочимъ, что не только подробности теоретическихъ соображеній или практическихъ попытокъ Оуэна, но даже самое имя его у насъ до сихъ поръ неизвѣстно большинству даже образованной публики, такъ что ее можно считать первымъ изложеніемъ взглядовъ послѣдняго. Ссылаясь на эту статью, Чернышевскій лишь отмѣчаетъ, что Р. Оуэнъ является „дѣйствительно великимъ мыслителемъ", и добавляетъ, что у него были сподвижники и остаются продолжатели, достойные стать съ нимъ рядомъ и по геніальности, и по благородству стремленій.

Нужно замѣтить однако, что Р. Оуэнъ былъ гораздо болѣе человѣкомъ практики, нежели теоріи, и экономическая сторона его системы была разработана очень мало. Гораздо болѣе заслуживаетъ названіе теоріи система Ш. Фурье, и она оказала несомнѣнно очень сильное вліяніе на соціально-экономическіе взгляды Чернышевскаго. Можно принять съ большой степенью вѣроятности, что именно произведенія послѣдняго внушили ему мысль о естественной пріятности труда при его разнообразіи и надлежащемъ распредѣленіи, о преимуществахъ крупнаго производства, какъ въ области промышленности, такъ и въ земледѣліи, объ огромныхъ выгодахъ, которыя проистекаютъ изъ организаціи потребленія и т. д., отсюда же онъ почерпнулъ и ту вѣру въ мощь ассоціаціи, которая такъ глубоко проникаетъ его сочиненія.

Первымъ обстоятельнымъ выраженіемъ взглядовъ Чернышевскаго на сущность, задачи и цѣли ассоціаціи является пространная рецензія его на политическую экономію И. Горлова, помѣщенная въ № 1 „Современника" за 1860 г. подъ названіемъ „Трудъ и капиталъ". Здѣсь онъ намѣчаетъ въ общихъ чертахъ основы теоріи кооперації, выражаясь современнымъ языкомъ, или—какъ онъ ее называетъ—*теоріи трудящихся*, въ противовѣсъ ученію буржуазныхъ экономистовъ, берущихъ подъ свою защиту интересы капитала*).

Основная мысль его, развиваемая въ этой статьѣ, заключается въ слѣдующемъ. Успѣшность производства пропорціональна энергіи труда, а энергія пропорціональна степени участія трудящагося въ продуктахъ; поэтому наивыгоднѣйшее для производства положеніе дѣлъ то, когда весь продуктъ труда принадлежитъ трудящемуся. Но при современныхъ условіяхъ почти каждое производство для своей успѣшности требуетъ размѣровъ, превышающихъ рабочія силы одного семейства. Капиталистъ не нуждается въ союзѣ съ другими потому что располагаетъ силами множества людей. Трудящійся, располагая силами только своей семьи, долженъ вступать въ товарищество съ другими трудящимися, это для него легко, потому что нѣтъ ему причины враждовать противъ нихъ. Такимъ образомъ, форма, находимая для производства теоріею трудящихся, есть товарищество,—она одна даетъ такое положеніе дѣлъ, при которомъ производство можетъ достигнуть

*) Слово *кооперація* нигдѣ Чернышевскимъ не употребляется; этотъ терминъ впервые появляется у насъ, повидимому, со времени появленія въ 1866 г. перевода книги Эд. Пфейфера объ ассоціаціяхъ.

наиобльшаго успѣха. Мы вовсе не подвергаемъ, — говоритъ далѣе авторъ, — безусловному осужденію теорію Адама Смита и Рикардо. Отличіе новой теоріи отъ этой устарѣлой заключается только въ томъ, что новая теорія, овладѣвая существенными выводами старой, развиваетъ ихъ съ полнотой и послѣдовательностью, которыхъ не могла достигать прежняя. Прежняя теорія провозглашала товарищество между народами, потому что благосостояніе одного народа нужно для благосостоянія другого. Новая теорія проводитъ тотъ же принципъ товарищества для каждой группы трудящихся. Прежняя теорія говоритъ: все производится трудомъ; новая же прибавляетъ: и потому все должно принадлежать труду. Прежняя теорія говорила: непроизводительно никакое занятіе, которое не увеличиваетъ массу цѣнностей въ обществѣ своими продуктами, а новая добавляетъ—непроизводителенъ никакой трудъ, кромѣ того, который даетъ продукты, нужные для удовлетворенія потребностей общества, согласныхъ съ расчетливой экономіей. Прежняя теорія говоритъ: свобода труда; новая теорія прибавляетъ—самостоятельность трудящагося.

Каковы же тѣ способы, которые могутъ привести къ осуществленію требованій этой новой теоріи?

„Способъ зависитъ отъ нравовъ народа и обстоятельствъ государственной жизни его. Англичанину кажется удобнымъ расположеніе квартиры въ два или три этажа, о чемъ и не думаютъ другіе народы. Строить его домъ по одному плану съ русскимъ или французскимъ значило бы напрасно тревожить его привычки. Можно сказать вообще, только то, что каждый домъ долженъ быть опрятенъ, сухъ и теплъ". Считаясь далѣе съ возраженіемъ, что всѣми этими планами стѣсняется индивидуальная свобода, Чернышевскій развиваетъ с в о й планъ осуществленія теоріи трудящихся, который „приспособленъ къ нравамъ странъ, потерявшихъ всякое сознаніе о прежнемъ общинномъ бытѣ и теперь начинающимъ возвращаться къ давно забытой идеѣ товарищества трудящихся въ производствѣ", прося читателей обратить вниманіе на то, — стѣсняется ли имъ эта свобода. Авторъ исходитъ изъ предположенія, что для первоначальнаго пособія основанію промышленно-земледѣльческихъ товариществъ правительствомъ назначается такая сумма, какая сообразна съ его финансовой возможностью. За эту ссуду оно получаетъ обыкновенные проценты, и ссуда погашается постепенными взносами въ казну изъ прибыли товариществъ. „Само собою разумѣется, что пособія отъ казны предполагаются только для ускоренія дѣла. Теперь есть много примѣровъ, что товарищества основывались безъ всякой посторонней помощи". Но если правительство ежегодно бросаетъ десятки милліоновъ на покровительство сахарнымъ заводчикамъ или оптовымъ торговцамъ и даетъ десятки милліоновъ взаймы желѣзнодорожнымъ компаніямъ, то „нельзи назвать излишней притязательностью предположеніе, что трудящійся классъ также имѣетъ нѣкоторое право ожидать отъ государства такого содѣйствія, которое не будетъ стоить ни одной копейки казнѣ: получая проценты и постепенно возвращая выданный капиталъ, она тутъ не жертвовательница, а просто посредница между биржею и трудящимся классомъ". Теперь идея товарищества—дѣло еще новое, и для ея

осуществленія нужна нѣкоторая теоретическая подготовленность. Поэтому на первый разъ веденіе дѣла поручается человѣку, котораго правительство признаетъ представляющимъ надлежащія гарантіи знанія и добросовѣстности. Число участниковъ въ каждомъ товариществѣ полагается отъ 1.500 до 2.000 человѣкъ обоего пола; они принимаются въ товарищество съ согласія директора, который даетъ предпочтеніе семейнымъ людямъ надъ безсемейными. Такимъ образомъ, товарищество состоитъ изъ 400 или 500 семействъ, въ которыхъ будетъ до 500 или больше взрослыхъ работниковъ и столько же работницъ. Какъ поступаютъ они въ товарищество по своему желанію, такъ и выходитъ изъ него каждый можетъ когда ему вздумается. Затѣмъ, товарищество пріобрѣтаетъ участокъ земли съ необходимымъ для земледѣлія количествомъ угодій по расчету своихъ рабочихъ силъ и обзаводится зданіемъ съ квартирами для работниковъ. Но кому не угодно жить въ этомъ большомъ зданіи, тотъ можетъ нанимать себѣ квартиру, гдѣ найдетъ удобнымъ. Такое зданіе со всѣми своими принадлежностями и удобствами будетъ стоить такую сумму, что лица, поселившіяся въ немъ, получатъ квартиру гораздо лучше и дешевле помѣщеній, въ какихъ живутъ нынѣ. Цѣна за квартиру полагается такая, чтобы, за вычетомъ ремонта, капиталъ, затраченный на зданіе, давалъ процентъ, обычный въ томъ государствѣ. Товарищество будетъ заниматься и земледѣліемъ и промыслами или фабричными дѣлами, какіе удобны въ той мѣстности. Инструменты, машины и матеріалы, нужные для этого, покупаются за счетъ товарищества. Однимъ словомъ, товарищество находится относительно своихъ членовъ въ такомъ же положеніи какъ фабрикантъ и домохозяинъ относительно своихъ работниковъ и жильцовъ. Когда зданіе готово и все нужное для работъ пріобрѣтено, начинается дѣло.

Однимъ изъ важныхъ экономическихъ расчетовъ служитъ то, что земледѣліе требуетъ громаднаго количества рукъ въ недолгіе періоды посѣва и уборки, а въ остальное время представляетъ мало занятій. Товарищество должно пользоваться временемъ какъ можно расчетливѣе, а потому во время горячихъ земледѣльческихъ работъ всѣ члены его приглашаются заниматься земледѣліемъ, а другими промыслами и работами занимаются въ свободное отъ земледѣлія время. Впрочемъ, обязательности и тутъ нѣтъ никакой: кто чѣмъ хочетъ, тотъ тѣмъ и занимается. Въ каждомъ промыслѣ для каждаго разряда работниковъ существуетъ та самая плата, какая обычна для него въ тѣхъ мѣстахъ. Какое же средство привлечь всѣ руки къ земледѣлію, когда оно требуетъ наибольшаго числа рукъ? Товарищество знаетъ, что количество работы составляетъ сущность дѣла, а потому во время посѣва и уборки назначаетъ за земледѣльческую работу повышенную плату, чтобы огромное большинство членовъ его, занимающихся обыкновенно промыслами, увидѣло для себя выгоду обратиться на время къ земледѣлію. Работники, не занимавшіеся до той поры земледѣліемъ, на первый годъ, конечно, будутъ пахать или косить хуже записныхъ земледѣльцевъ; но подъ ихъ руководствомъ исполнятъ новое дѣло сноснымъ образомъ, а на слѣдующіе годы и вовсе привыкнутъ къ нему.

Выше говорилось, что каждый занимается той работой, какую

знать или какую хочетъ выбрать. Разумѣется, однакожъ, что товарищество и въ этомъ случаѣ руководится расчетомъ. Сапожники, портные, столяры, конечно, для него нужны, и оно выйдетъ выгоднымъ имѣть такія мастерскія. Но если бы иной членъ вздумалъ заняться производствомъ ювелирныхъ вещей, товарищество разсудитъ,—нужна ли ему такая работа; если нужна, оно заведетъ ювелирную мастерскую, если нѣтъ, то скажетъ ювелиру, что разъ онъ хочетъ непремѣнно заниматься только ювелирствомъ, а не другимъ чѣмъ-нибудь, то пусть ищетъ себѣ работы гдѣ ему угодно, а оно не можетъ предоставить ему мастерской такого рода. На первое время разрѣшеніе вопроса о томъ, что возможно или не возможно, зависитъ отъ благоразумія директора, который набираетъ членовъ. Но власть послѣдняго не ограничена только до того времени, пока записываются поступающіе члены. Какъ только составъ товарищества опредѣлится, члены его по каждому промыслу выбираютъ изъ своего числа административный совѣтъ, согласіе котораго нужно во всѣхъ важныхъ дѣлахъ и вопросахъ, относящихся къ этому промыслу; кромѣ того, всѣ члены товарищества выбираютъ общій административный совѣтъ, который постоянно контролируетъ директора и выбранныхъ имъ помощниковъ и безъ согласія котораго не дѣлается въ товариществѣ ничего важнаго.

По прошествіи года члены успѣютъ узнать другъ друга и пріобрѣсть опытность въ томъ, какъ ведутся дѣла. Власть прежняго директора, назначеннаго правительствомъ, становится уже излишнею. Со второго года поэтому все управленіе дѣлами товарищества переходитъ къ нему самому; оно выбираетъ всѣхъ своихъ распорядителей, какъ акціонерная компанія выбираетъ директоровъ.

Какіе же могутъ быть ожидаемы экономическіе результаты? Получая отъ товарищества обыкновенную плату, работники естественно едва ли будутъ работать хуже обыкновеннаго. Поэтому, врядъ ли товариществу придется прибѣгать къ исключенію кого-нибудь изъ своихъ членовъ за лѣность; но если понадобится—что дѣлать!—оно исключитъ его, какъ отпускаетъ фабрикантъ слишкомъ лѣниваго работника. Но лѣнивыхъ работниковъ будетъ въ товариществѣ меньше, нежели на частныхъ фабрикахъ: имѣя болѣе прямую выгоду отъ усердія въ работѣ, члены товарищества, вѣроятно, останутся вѣрны общему свойству человѣческой природы, по которому усердіе къ дѣлу измѣряется выгодностью его, и потому надобно полагать, что работа въ товариществѣ пойдетъ успѣшнѣе чѣмъ на частныхъ фермахъ и фабрикахъ, гдѣ наемные рабочіе не участвуютъ въ прибыли отъ своего труда.

Если у фабриканта остается значительная прибыль, за вычетомъ заработной платы и другихъ издержекъ производства, то останется она и у товарищества. Одна часть этой прибыли пойдетъ на содержаніе церкви, школы, больницы и другихъ общественныхъ учрежденій, находящихся при товариществѣ; другая—на уплату процентовъ по ссудѣ изъ казны и на ея погашеніе, третья — на запасный капиталъ, который будетъ служить страхованіемъ товарищества отъ разныхъ случайностей. За покрытіемъ всѣхъ этихъ расходовъ должна остаться значительная сумма, которая пойдетъ въ дивидендъ всѣмъ

членамъ товарищества, каждому по числу его рабочихъ дней. На чемъ же основано это предположеніе, что останется значительный дивидендъ? А на томъ, что хозяинъ частнаго предпріятія также имѣетъ всѣ тѣ расходы, о которыхъ говорилось выше: онъ платитъ проценты по своимъ долгамъ и погашаетъ ихъ, содержитъ, если онъ человѣкъ разумный, и церковь, и школу, и больницу, наконецъ, онъ также застраховываетъ свое предпріятіе — и за всѣмъ тѣмъ у него еще остается значительная сумма, которая и составляетъ его прибыль: онъ бросилъ бы свое дѣло, если бы эта сумма, остающаяся въ его рукахъ, не была значительна.

Нѣтъ причины полагать, чтобы работа у товарищества шла менѣе успѣшно, нежели у него; напротивъ, можно думать, что она пойдетъ успѣшнѣе, поэтому и дивидендъ долженъ быть значителенъ.

Этотъ дивидендъ составляетъ одну сторону выгодности товарищества для его членовъ; онъ возникаетъ изъ производства, другая — вытекаетъ изъ посредничества товарищества въ расходахъ его членовъ на потребленіе. Какъ упоминалось выше, всѣ желающіе члены пользуются въ общественномъ зданіи квартирами, которыя лучше и дешевле обыкновенныхъ. Точно такъ же они могутъ брать, если захотятъ, всякія нужныя имъ вещи изъ магазиновъ товарищества по оптовой цѣнѣ, которая гораздо дешевле обыкновенной, розничной. Кому, напримѣръ, кажется удобнымъ покупать сахаръ по 20 к. за фунтъ, а не по 30, какъ онъ продается въ маленькихъ лавкахъ, тотъ можетъ брать его изъ магазина товарищества, которое покупаетъ сахаръ прямо съ биржи, стало быть, имѣетъ его 30-ю процентами дешевле, чѣмъ получаетъ онъ изъ мелкихъ лавокъ. Но, разумѣется, кому угодно платить не 20, а 30 копѣекъ, тотъ можетъ покупать его, гдѣ ему угодно.

Для людей небогатыхъ главный расходъ составляетъ пища. Кому угодно самому готовить свой обѣдъ, можетъ готовить его, какъ хочетъ. Но кто захочетъ, тотъ можетъ брать кушанья къ себѣ на квартиру изъ общей кухни, которая отпускаетъ ихъ дешевле, нежели обходятся они въ отдѣльномъ маленькомъ хозяйствѣ; а кому угодно, тотъ можетъ обѣдать за общимъ столомъ, который стоитъ еще дешевле, нежели покупка порцій изъ общей кухни на квартиру. „Намъ кажется,—такъ заключаетъ авторъ,—что во всемъ этомъ нѣтъ покаровно ничего особенно ужаснаго или стѣснительнаго. Живи, гдѣ хочешь, живи, какъ хочешь, только предлагаются тебѣ средства жить удобно и дешево и кромѣ обыкновенной платы получать дивидендъ. Если и это стѣснительно, никто не запрещаетъ отказываться отъ дивиденда“.

Этотъ планъ насажденія товариществъ представляетъ въ сущности не что иное, какъ популяризацію проекта Луи Блана (стремившагося къ учрежденію производительныхъ ассоціацій при содѣйствіи правительства, которое должно стать „банкиромъ бѣдныхъ“),— какъ на это указываетъ самъ Чернышевскій въ своихъ примѣчаніяхъ къ „Основаніямъ политической экономіи“ Милля (см. главу о собственности). Здѣсь же онъ разъясняетъ, что это обращеніе къ правительству само по себѣ вовсе не является обязательнымъ, а вызы-

вается лишь характеромъ націи и особыми условіями французской жизни.

„Думай Луи Бланъ вести свое дѣло у англичанъ, онъ и не подумалъ бы объ администраціи. Но что же было ему дѣлать, когда онъ хотѣлъ вести свое дѣло у французовъ?... Словомъ сказать, теорія административнаго содѣйствія — плану ли, изложенному нами, другому ли какому общественному дѣлу, или частному предпріятію—не принадлежитъ къ самой сущности мысли говорящаго о томъ человѣка, а происходитъ лишь изъ соображеній мѣстныхъ обстоятельствъ и народныхъ привычекъ. Кажется вамъ, что въ данномъ мѣстѣ общественныя привычки и практическая возможность веденія дѣла сходны съ англійскими, ну что жъ, вы можете находить, что административное содѣйствіе не нужно для вашего дѣла, а если находите вы иное, тогда, нечего дѣлать, должны вы чувствовать нужду въ томъ, что не было бы вамъ нужно въ другихъ обстоятельствахъ".

Эти разсужденія прекрасно разъясняютъ намъ, что планы осуществленія соціальной реформы должны видоизмѣняться въ зависимости отъ условій мѣста и времени, но они еще ничего не говорятъ о томъ,—обезпеченъ ли ихъ успѣхъ вообще. Выше мы говорили, что планъ Чернышевскаго составляетъ популяризацію проекта Луи Блана, но это вѣрно не вполнѣ, ибо мы встрѣчаемъ здѣсь и кое-какія отступленія. Чтобы выяснить это, намъ нужно сказать предварительно нѣсколько словъ относительно того, когда и въ какомъ видѣ зародилась идея производительной кооперації.

Когда выяснилась неудача соціальныхъ опытовъ, направленныхъ къ осуществленію коммунъ Оуэна и фаланстеровъ Фурье, то въ западной Европѣ скоро возникло теченіе, увлекающееся идеей такъназыв. производительныхъ ассоціацій. Родоначальниками этого теченія были Ш. Бюше и Луи Бланъ во Франціи за время 30-хъ—40-хъ годовъ истекшаго столѣтія.

Первый пропагандировалъ устройство производительныхъ ассоціацій среди ремесленниковъ и расчитывалъ исключительно на ихъ собственныя средства; второй же имѣлъ въ виду фабричныхъ рабочихъ, которые должны были—по его мнѣнію — основывать эти товарищества на казенныя средства, отпускаемыя имъ взаймы. Но чѣмъ же эти производительныя ассоціаціи отличаются отъ коммунъ или общинъ въ духѣ Оуэна и Фурье? Разница между ними та, что коммуны представляютъ собою замкнутое, самодовлѣющее цѣлое; обмѣна внутри ея не существуетъ, и члены удовлетворяютъ свои потребности натурой—при помощи продуктовъ, производимыхъ въ предѣлахъ ассоціаціи, почему въ послѣдней должны были быть представлены всѣ важнѣйшія профессіи. Въ силу своей большей легкости и простоты—предполагалось, что эти производительныя т-ва или „общественныя мастерскія", какъ ихъ называлъ Луи Бланъ, получатъ скоро всеобщее распространеніе, и такимъ образомъ мало-по-малу современное общество, основанное на конкуренціи и эксплуатаціи, уступитъ свое мѣсто новому строю, въ основу котораго будутъ положены солидарность и равноправіе членовъ...

Идея производительной кооперації получила большую популярность во Франціи, особенно послѣ того, какъ во время революціи 1848 г. временнымъ правительствомъ было ассигновано 3 милл. фр. на ея осуществленіе, а затѣмъ и въ другихъ странахъ. Въ Англіи ее пропагандировали извѣстный экономистъ Дж. Ст. Милль (котораго популяризировалъ у насъ Чернышевскій) и такъ назыв. христіанскіе соціалисты, въ Германіи — Шульце-Деличъ, Эд. Пфейферъ и въ особенности Ф. Лассаль, который поставилъ ее въ центрѣ своей рабочей программы. Точно также и Карлъ Марксъ, а за нимъ съѣзды интернаціонала (Международнаго Общества Рабочихъ) изъ всѣхъ формъ кооперації признавали значеніе только за производительными товариществами. Объясняется это тѣмъ, что—по ученію политической экономіи—источникъ эксплуатаціи рабочихъ лежитъ именно въ процессѣ производства и заключается въ присвоеніи классомъ предпринимателей производимой рабочими прибавочной цѣнности. Вполнѣ естественно поэтому, что, стремясь къ уничтоженію эксплуатаціи, рабочій классъ старается овладѣть прежде всего производствомъ, вырвавъ его изъ рукъ капиталистовъ и придавъ ему общественный характеръ.

Практика показала, однако, что надежды, возлагавшіяся на производительныя товарищества, слишкомъ преувеличены, ибо сколько-нибудь широкаго распространенія они нигдѣ не получили: или оно не выдерживаетъ капиталистической конкуренціи и распадается, или же—если дѣла его въ случаѣ исключительно благопріятныхъ условій идутъ хорошо — вырождается въ капиталистическое предпріятіе съ примѣненіемъ наемнаго труда...

Чернышевскій раздѣлялъ это общее увлеченіе, и кооперація представлялась ему исключительно въ видѣ производительныхъ товариществъ, такъ какъ о другихъ формахъ ея (напр., потребительныхъ и ссудо-сберегательныхъ обществахъ и т. д.) онъ нигдѣ не говоритъ ни слова.

При этомъ типъ этихъ товариществъ рисуется имъ различно: съ одной стороны онъ говоритъ о промышленно-земледѣльческихъ т-хъ, въ значительной мѣрѣ приближающихся къ прежнимъ коммунамъ, ибо они имѣютъ въ виду обслуживать всѣ важнѣйшія нужды своихъ членовъ, въ другихъ же мѣстахъ его сочиненій выдвигаются производительныя ассоціаціи въ современномъ смыслѣ слова, т.-е. состоящія изъ лицъ одной профессіи. Мы знаемъ теперь, что ни устройство производительныхъ товариществъ съ государственнымъ кредитомъ, какъ предлагалъ Луи Бланъ, ни образованіе самочинныхъ коммунъ, какъ проповѣдывалъ Р. Оуэнъ, не приближаетъ еще насъ къ разрѣшенію соціальнаго вопроса, и что для этого нужно что-то еще. Но Чернышевскій самъ стоялъ на той же точкѣ зрѣнія, какъ и эти утописты, и думалъ, что мирный ходъ эволюціи приведетъ къ близкому торжеству новыхъ идей.

...„Искать надлежащаго благосостоянія,—говоритъ онъ въ примѣчаніяхъ къ четвертой книгѣ Милля объ экономическомъ прогрессѣ,—будетъ работникъ только тогда, когда станетъ хозяиномъ; вмѣстѣ съ тѣмъ принципъ сочетанія труда и характеръ улучшенныхъ производительныхъ процессовъ требуетъ производительной единицы очень

БИБЛИОТ... СОЦИАЛИСТИЧ... АКАДЕМИИ

значительнаго размѣра, а физіологическія и другія естественныя условія требуютъ сочетанія очень многихъ разнородныхъ производствъ въ этой единицѣ; поэтому отдѣльные хозяева-работники должны соединяться въ товарищества. Когда, такъ-называемые, утописты заговорили объ ассоціаціи, теоретики господствующей школы провозгласили эту новую идею злодѣйственной нелѣпостью, точно такъ же, какъ сначала провозглашается нелѣпостью вообще всякая новая мысль. Теперь уже не то. Въ каждомъ рутинномъ курсѣ политической экономіи дѣлается значительная уступка понятіямъ, такъ-называемыхъ, утопистовъ; самый отсталый политико-экономъ долженъ признаваться, что экономическая исторія движется къ развитію принципа товарищества, и что оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже оказалось очень полезнымъ".

Правда, препятствій на пути много, и авторъ самъ задается вопросомъ: почему же такая простая и легкая мысль (т.-е. развитый имъ выше планъ) до сихъ поръ не осуществилась и, по всей вѣроятности, долго не осуществится? „Это вопросы интересные. Но ими мы займемся когда-нибудь въ другой разъ". Осуществить свое намѣреніе ему, однако, не пришлось, ибо скоро арестъ и послѣдующая ссылка оторвали его отъ литературной дѣятельности, и вышепоставленный вопросъ такъ и остался безъ отвѣта. Но его не трудно получить, зная общую точку зрѣнія Чернышевскаго. Основная сила прогресса—наука; успѣхи прогресса соразмѣрны степени совершенства и степени распространенности знаній. Народныя массы стоятъ еще на низкой ступени развитія, но разъ новая теорія, открывающая глаза трудящимся на ихъ положеніе и указывающая имъ средства избавленія, уже получила свое развитіе, то будущее можно считать обезпеченнымъ. „Въ цивилизаціи, въ успѣхахъ знаній—пишетъ онъ въ примѣчаніяхъ къ Миллю — лежитъ непобѣдимая сила улучшать общественный бытъ", соперничество исчезнетъ, „когда заинтересованныя въ этой замѣнѣ сословія пріобрѣтутъ самостоятельность мысли и привычку къ веденію хозяйственныхъ дѣлъ".

Остановимся теперь на вопросѣ о томъ, въ какомъ видѣ представлялъ Чернышевскій осуществленіе своего идеала примѣнительно къ русскимъ условіямъ. Тотъ планъ, который развивался имъ выше, былъ „приспособленъ къ нравамъ странъ, потерявшимъ всякое сознаніе о прежнемъ общинномъ бытѣ". У насъ этотъ бытъ существуетъ, какъ фактъ, и благодаря ему наша страна была избавлена отъ язвы пролетаріата.

Правда, при теперешнемъ своемъ положеніи общинное владѣніе сохраняетъ индивидуальную обработку земли, но, по мнѣнію автора, отсюда уже легко перейти къ высшей стадіи, т.-е. „къ общинной обработкѣ цѣлой мірской дачи". Имъ указывается даже и срокъ для этого постепеннаго перехода: „черезъ тридцать или двадцать пять лѣтъ общинное владѣніе будетъ доставлять нашимъ поселянамъ другую, еще болѣе важную выгоду (чѣмъ возможность быть хозяиномъ), открывая имъ чрезвычайно легкую возможность къ составленію земледѣльческихъ товариществъ для обработки земли".

Когда расширится нашъ внутренній рынокъ, улучшатся пути сообщенія и явится потребность въ приложеніи большого капитала къ землѣ, эти товарищества окажутся очень полезными для крупныхъ землевладѣльцевъ: являясь соперницами капиталистовъ при наймѣ большихъ помѣстій, они избавятъ помѣщика отъ зависимости, въ которую поставила бы послѣднихъ монополія капиталистовъ, и отъ невыгодныхъ условій контракта, предписываемаго монополіей (см. „Современникъ“ № 3 за 1858 г.—Отвѣтъ на замѣчаніе г. Провинціала...).

Какъ видно отсюда, Чернышевскій не обольщаетъ себя иллюзіями насчетъ настоящаго: развитой критическій духъ и присущее ему реалистическое чутье предохранили его отъ той несообразности, въ которую впали, съ одной стороны, фурьеристъ Петрашевскій, а съ другой—реакціонеръ бар. Гакстгаузенъ, вѣрившіе въ возможность „обобществленія труда“... при крѣпостномъ правѣ; полное развитіе общиннаго начала относится имъ къ будущему, хотя и не очень далекому, т.-е. когда экономическія, общественныя и политическія условія жизни измѣнятся къ лучшему. Вполнѣ естественно поэтому, что въ романѣ „Что дѣлать?“, гдѣ разсказывается о новыхъ людяхъ изъ среды умственнаго пролетаріата и намѣчается программа ихъ дѣятельности для ближайшаго времени, мѣстомъ дѣйствія является не деревня и не община, а городъ, гдѣ условія болѣе благопріятны для вліянія интеллигенціи.

Героиня романа — Вѣра Павловна, проникаясь новыми идеями, устраиваетъ швейную мастерскую на началахъ ассоціаціи и въ короткое время достигаетъ блестящихъ результатовъ.

„Вмѣсто бѣдности—довольство; вмѣсто грязи—чистота, даже нѣкоторая роскошь комнатъ; вмѣсто грубости — порядочная образованность. Все это происходитъ отъ двухъ причинъ: съ одной стороны, увеличивается доходъ швей, съ другой — достигается очень большая экономія въ ихъ расходахъ“. Отчего онѣ получаютъ больше дохода,— понятно: онѣ работаютъ на свой собственный счетъ, онѣ сами хозяйки, поэтому онѣ получаютъ ту долю, которая оставалась бы въ прибыли у хозяйки магазина. Но это не все: работая въ свою пользу и на свой счетъ, онѣ гораздо бережливѣе и на матеріалѣ работы, и на времени: работа идетъ быстрѣе и расходовъ на нее меньше. Понятно, что и въ расходахъ на ихъ жизнь много сбереженій. Онѣ покупаютъ все большими количествами, расплачиваются наличными деньгами, поэтому вещи достаются имъ дешевле, чѣмъ при покупкѣ въ долгъ и по мелочи; вещи выбираются внимательно, съ знаніемъ толка въ нихъ, со справками, поэтому все покупается не только дешевле, но и лучше, нежели вообще приходится покупать бѣднымъ людямъ. Мысль эта развивается и доказывается авторомъ устами своихъ героевъ на цѣломъ рядѣ примѣровъ и цифръ. „Сравните жизнь семейства, расходующаго 1.000 руб. въ годъ, съ жизнью такого же семейства, расходующаго 4.000 руб., не правда ли, вы найдете громадную разницу? При нашемъ порядкѣ—точно такая же пропорція, если не больше: при немъ получается вдвое больше дохода и доходъ употребляется вдвое выгоднѣе. Удивительно ли, что вы нашли

жизнь нашихъ швей вовсе не похожей на ту, какую ведутъ швеи при обыкновенномъ порядкѣ".

Но устройство швейныхъ мастерскихъ и достигнутые ими результаты—это только начало тѣхъ преобразованій и чудесъ, какихъ авторъ ожидаетъ отъ примѣненія принципа ассоціаціи. Въ четвертомъ снѣ Вѣры Павловны онъ рисуетъ предъ читателемъ заключительную стадію процесса, изображая тотъ фаланстеръ, который былъ созданъ причудливой фантазіей Фурье.

..."Вотъ высится громадное зданіе, какихъ теперь лишь по нѣскольку въ самыхъ большихъ столицахъ или даже нѣтъ теперь совсѣмъ ни одного. Оно стоитъ среди нивъ и луговъ, садовъ и рощъ. Нивы—это наши хлѣба, только не такіе, какъ у насъ, а густые и изобильные—только въ оранжереѣ можно бы теперь вырастить такіе колосья съ такими зернами. Сады, лимонныя и апельсинныя деревья, персики и абрикосы—какъ же они растутъ на открытомъ воздухѣ? Очень просто—вокругъ нихъ колонны; это оранжереи, раскрывающіяся на лѣто. Зданіе само — странной архитектуры, какой теперь нѣтъ, и сдѣлано изъ одного чугуна и стекла. Но это лишь снаружи: настоящій домъ, представляющій изъ себя огромный зимній садъ, помѣщается внутри, будучи окруженъ, какъ футляромъ, этимъ зданіемъ изъ чугуна и стекла. Вездѣ аллюминій, а промежутки оконъ одѣты огромными зеркалами. И какіе ковры на полу!

По нивамъ разсѣяны группы людей; вездѣ мужчины и женщины, старики, молодые и дѣти вмѣстѣ. День зноенъ, но имъ ничего: надъ той частью нивы, гдѣ они работаютъ, раскинутъ огромный пологъ, дающій прохладу; какъ подвигается работа, подвигается и онъ. Почти все дѣлается машинами, которыя и жнутъ, и вяжутъ снопы, и отвозятъ ихъ. Какъ же не работать весело и не пѣть! Но вотъ работа кончена, всѣ идутъ къ зданію и входятъ въ самый большой изъ огромныхъ залъ. Здѣсь обѣдаетъ больше тысячи, но не всѣ; кому угодно, тотъ обѣдаетъ у себя. Приготовляютъ дѣти и старики, которые не выходили въ поле, ибо готовить кушанье, заниматься хозяйствомъ и прибирать въ комнатахъ—слишкомъ легкая работа для другихъ рукъ; ею слѣдуетъ заниматься лишь тѣмъ, кто еще не можетъ или уже не можетъ дѣлать ничего другого. А кто же прислуживаетъ во время обѣда? Никто, да и зачѣмъ? Вѣдь, всего пять или шесть блюдъ: тѣ, которыя должны быть горячія, поставлены въ такихъ мѣстахъ, что не остынутъ; для этого въ углубленіяхъ поставлены ящики съ кипяткомъ. А кто желаетъ имѣть лучшій обѣдъ, за то особый счетъ. И во всемъ такъ: то, что могутъ по средствамъ своей компаніи всѣ, за то нѣтъ разсчетовъ, а за каждую особую вещь или прихоть—разсчетъ.

Но вотъ наступаетъ осень, цвѣты завяли, листья начинаютъ падать съ деревьевъ, и фаланстеръ понемногу пустѣетъ. Изъ 2000 человѣкъ въ немъ остается лишь десять—двадцать человѣкъ, которымъ кажется пріятнымъ разнообразіемъ остаться здѣсь въ глуши посмотрѣть на сѣверную осень, да черезъ нѣкоторое время будутъ пріѣзжать небольшими партіями любители зимнихъ прогулокъ. Остальные же переселяются съ береговъ Оки на югъ—въ Новую Россію. Здѣсь

нѣкогда была пустыня, теперь же все пространство обращено въ благодатнѣйшую землю. Горы были прежде голыми скалами; теперь же онѣ покрыты толстымъ слоемъ земли и на нихъ среди садовъ растутъ рощи самыхъ высокихъ деревьевъ: внизу плантаціи кофейнаго дерева, выше финиковыя пальмы, смоковница; виноградники перемѣшаны съ плантаціями сахарнаго тростника, поля пшеницы — съ рисомъ. По всему пространству, какъ на сѣверѣ, раскинуты громадныя зданія, въ трехъ-четырехъ верстахъ другъ отъ друга, будто безчисленные огромные шахматы на исполинской доскѣ. Зданія эти представляютъ такой же хрустальный огромный домъ, но только колонны его бѣлыя; онѣ сдѣланы изъ аллюминія, ибо послѣдній меньше разгорячается на солнцѣ. Кругомъ хрустальнаго дворца на дальнемъ разстояніи идутъ ряды тонкихъ высокихъ столбовъ и на нихъ, высоко надъ дворцомъ и на полверсты вокругъ него, раскинутъ бѣлый пологъ, обрызгиваемый водой. А кто любитъ солнце и зной, тотъ можетъ жить въ павильонахъ и шатрахъ, на вольномъ воздухѣ. Остались и города, но ихъ немного—почти только для того, чтобы быть центрами сношеній и перевозки товаровъ, у лучшихъ гаваней и въ другихъ центрахъ но эти города больше и великолѣпнѣе прежнихъ; всѣ туда ѣздятъ на нѣсколько дней для разнообразія, и большая часть ихъ жителей безпрестанно смѣняется, бывая тамъ для труда на недолгое время...

Зная взгляды Чернышевскаго на вліяніе народнаго характера и привычекъ при разрѣшеніи вопроса о цѣлесообразности того или иного плана соціальныхъ реформъ, можно было бы заключить, что у насъ, гдѣ, какъ и во Франціи, административная опека всеобъемлюща, успѣхъ производительныхъ ассоціацій долженъ былъ бы быть поставленъ въ зависимость отъ сочувствія государства этому дѣлу. Въ романѣ его мы не находимъ, однако, подобной тенденціи; очевидно, внутреннее чутье подсказало автору, что, несмотря на вышеуказанное сходство, между Франціей и Россіей имѣются не менѣе существенныя черты отличія, которыя не позволяютъ расчитывать у насъ на поддержку со стороны государства... Поэтому успѣхъ дѣла оказывается у него всецѣло основаннымъ на развитіи самопониманія и самопомощи трудящихся. „Трудно было людямъ только понять, что полезно, они были въ твое время такими дикарями, такими грубыми, жестокими, безразсудными, но я учила и учила ихъ; а когда они стали понимать, исполнять было уже не трудно“,—говоритъ старшая сестра въ четвертомъ снѣ Вѣры Павловны, показывая ей будущее царство.

„Вспомни свою мастерскую, развѣ у васъ было много средствъ? Развѣ больше, чѣмъ у другихъ? —Нѣтъ, какія же у насъ были средства! А вѣдь, твои швеи имѣютъ въ десять разъ больше удобствъ, въ двадцать разъ больше радостей жизни, въ сто разъ меньше испытываютъ непріятностей, чѣмъ другія, съ такими же средствами какія были у васъ. Нужно только быть разсудительными, умѣть хорошо устроиться, узнать, какъ выгоднѣе употреблять средства“.

Фурье училъ, что настоящее несетъ на себѣ бремя прошлаго и чревато будущимъ. Современный общественный строй долженъ уступить свое мѣсто новому, называемому имъ гарантизмомъ, и этотъ послѣдній уже теперь самъ собою развивается въ нѣдрахъ стараго.

Собственность мѣняетъ свою форму и „изъ индивидуальной, простой и исключительной становится акціонерной, сложной и общественной". Производство также принимаетъ общественный характеръ, благодаря поглощенію мелкихъ предпріятій крупными, которое начинается сначала въ промышленности, а затѣмъ должно распространиться и на земледѣліе. Въ свою очередь, гарантизмъ, въ которомъ будетъ осуществлена планомѣрная организація общественнаго производства подъ руководствомъ крупныхъ капиталистическихъ компаній съ участіемъ рабочихъ въ прибыляхъ, съ теченіемъ времени,—приблизительно, лѣтъ черезъ сто—уступитъ мѣсто высшей стадіи, гдѣ принципы ассоціаціи получатъ свое примѣненіе въ чистомъ видѣ. Но это естественное развитіе общества совершается съ большой медлительностью. Фурье сравниваетъ его съ „движеніемъ тихохода, каждый шагъ котораго сопровождается стономъ; подобно ему, цивилизація съ непостижимой медленностью подвигается впередъ среди политическихъ бурь; съ каждымъ новымъ поколѣніемъ пробуетъ она новыя системы, которыя подобно терніямъ, лишь обагряютъ кровью народы, хватающіеся за нихъ".

Но этотъ медлительный ходъ развитія можетъ быть значительно ускоренъ вмѣшательствомъ человѣческаго разума, который изобрѣтаетъ или открываетъ нужныя улучшенія. Такимъ озобрѣтеніемъ и является фаланстеръ: съ помощью его человѣчество можетъ миновать одну или даже двѣ промежуточныхъ стадіи и, такимъ образомъ въ нѣсколько лѣтъ (вмѣсто одного или двухъ столѣтій) перейти изъ цивилизаціи въ гармонію. Нужно только найти трехъ-четырехъ подходящихъ руководителей, которые бы стали во главѣ дѣла, и собрать капиталъ въ 15 милл. фр. (а для начала достаточно и трети этой суммы)—и выходъ изъ современнаго „соціальнаго хаоса" обезпеченъ: устройство пробнаго фаланстера должно вызвать распространеніе ассоціаціи по всей землѣ...

Жизнь безжалостно разрушила иллюзіи Фурье. Опытовъ устройства фаланстеровъ по его рецепту или коммунъ въ духѣ Оуэна было сдѣлано впослѣдствіи великое множество, но они не достигли своей цѣли: большинство ихъ вскорѣ же распалось, а тѣ, которые сохранились, оказались совершенно не въ силахъ преобразовать по своему подобію окружающую среду. Затрудненія, встрѣтившіяся на практикѣ, повидимому, не остались незамѣченными для Чернышевскаго,—онъ уже не вѣритъ, какъ вѣрилъ Петрашевскій и другіе пылкіе фурьеристы, что міръ можетъ совершенно преобразиться въ пять-шесть лѣтъ, лишь только будетъ воздвигнутъ первый фаланстеръ. Это преобразованіе представляется ему гораздо болѣе медленнымъ и постепеннымъ, но все же онъ твердо вѣритъ въ близкое торжество ассоціаціи. „То, что мы показали тебѣ,—говоритъ старшая сестра въ четвертомъ снѣ Вѣры Павловны, показывая ей будущее царство,—не скоро будетъ въ своемъ полномъ развитіи, какое видѣла теперь ты. Смѣнится много поколѣній прежде, чѣмъ осуществится то, что ты предощущаешь. Нѣтъ, немного поколѣній: моя работа идетъ теперь быстро, все быстрѣе съ каждымъ годомъ, но всетаки ты еще не войдешь въ это полное царство моей сестры".

Какъ видно отсюда, по мнѣнію Чернышевскаго, естественный ходъ событій, предоставленный самому себѣ, приведетъ къ полному развитію принципа ассоціаціи не скоро—спустя много поколѣній, но въ случаѣ надлежащей пропаганды и воспитанія срокъ этотъ можетъ быть значительно сокращенъ. Что же касается зачаточной стадіи новаго строя отношеній, построеннаго на принципѣ ассоціаціи, то онъ считалъ, какъ уже отмѣчалось выше, что уже черезъ 25 или 30 лѣтъ въ земледѣліи должно начаться процвѣтаніе производительныхъ товариществъ для совмѣстной обработки какъ собственной, такъ и арендованной у помѣщиковъ земли. Это предсказаніе также не сбылось: со времени напечатанія указанной статьи прошелъ вдвое большій срокъ, а между тѣмъ мы не только не наблюдаемъ расцвѣта указанныхъ товариществъ на почвѣ общиннаго землевладѣнія, но послѣднее, наоборотъ, само, въ силу разныхъ неблагопріятныхъ условій, стало клониться къ упадку, и теперь мы присутствуемъ уже при агоніи его.

Значитъ ли это, однако, что ученіе Фурье, Оуэна, и ихъ послѣдователей—безплодная утопія, отвергнутая жизнью, миражъ, увлекающій человѣчество къ недостижимымъ цѣлямъ?

Нѣтъ, конечно, нѣтъ и Р. Оуэнъ могъ съ полнымъ основаніемъ на вопросъ священника, напутствовавшаго его предъ смертью—не раскаивается ли онъ въ жизни, напрасно потраченной на несбыточные планы—дать гордый отвѣтъ: „нѣтъ, сударь, моя жизнь не прошла даромъ; я возвѣстилъ важныя истины, и если онѣ еще не приняты міромъ, то только потому, что не поняты. Я не порицаю людей за это, ибо родился раньше времени". Значеніе великихъ людей въ томъ и заключается, что они надолго опережаютъ людей своего времени и открываютъ новыя истины, которыя получаютъ общее признаніе лишь много лѣтъ спустя. Къ числу такихъ истинъ относится и идея кооперації. Жизнь отвергла ту форму, въ которой послѣдняя явилась на свѣтъ, отвергла фаланстеры Фурье и коммуны Оуэна, но она восприняла то основное и существенное, что лежало въ ихъ основѣ. Принципъ ассоціаціи или кооперації оказался глубоко жизненнымъ и создалъ движеніе, которое въ настоящее время приняло огромные размѣры и пустило глубокіе корни. Въ частности, напр., если производительныя товарищества не оправдали—такъ же, какъ и коммуны—возлагавшихся на нихъ восторженныхъ надеждъ, то все-таки мысль, лежащая въ ихъ основѣ, получила нынѣ свое практическое осуществленіе въ широкихъ размѣрахъ, но только въ иной формѣ—именно въ видѣ цѣлаго ряда предпріятій при потребительныхъ кооперативахъ или ихъ союзахъ, которые ставятъ себѣ цѣлью освобождать потребителей отъ эксплуатаціи не только разнаго рода торговыхъ посредниковъ, но и самихъ производителей. Такъ, англійское кооперативное Общество Оптовыхъ Закупокъ имѣетъ свыше сорока разнаго рода фабрикъ и заводовъ, выдѣлывающихъ предметы первой необходимости; общая сумма производства всѣхъ потребительныхъ обществъ въ Англіи составляла въ 1915 г. около 320 милл. р. На этотъ же путь вступаетъ теперь нашъ Московскій Союзъ и отдѣльныя общества. Но чѣмъ же современная кооперація отличается отъ своего прототипа? Мы не слышимъ ни о фаланстерахъ, ни о коммунахъ, но всѣмъ

извѣстны потребительныя общества, кредитныя товарищества, производительныя ассоціаціи, строительныя товарищества, народные банки и т. д.

Такимъ образомъ, вмѣсто замкнутыхъ и самодовлѣющихъ общинъ, удовлетворяющихъ почти всѣ потребности своихъ членовъ, мы видимъ организаціи болѣе простого типа, спеціализировавшіяся на выполненіи какой-нибудь одной основной задачи. Современные кооперативы по числу своихъ членовъ могутъ,—какъ, напримѣръ, потребительныя общества въ Лидсѣ, Лейпцигѣ, Гамбургѣ, Берлинѣ и т. п., насчитывающія отъ 50 до 100 тысячъ человѣкъ каждое,—далеко превышать прежнія общины въ духѣ Фурье или Оуэна, въ которыхъ число членовъ не должно было превосходить двухъ или трехъ тысячъ, но ихъ функціи всегда гораздо менѣе сложны, а цѣли—гораздо болѣе скромны. Въ нихъ идетъ рѣчь уже не о томъ, чтобы вытѣснить или перестроить съ самаго основанія капиталистическій строй, а лишь о томъ, чтобы въ рамкахъ послѣдняго улучшить положеніе трудящихся массъ. Однако, было бы преждевременно заключать отсюда, что мысль о созданіи организацій, обнимающихъ всѣ или главнѣйшія стороны экономической жизни, ложна по самому своему существу. По мѣрѣ развитія кооперативнаго движенія мы наблюдаемъ интересное явленіе, что строеніе и функціи кооперативовъ начинаютъ осложняться и расширяться, и, можетъ быть, въ будущемъ вновь будетъ поставленъ на очередь вопросъ о созданіи цѣлостныхъ, интегральныхъ организацій, хотя бы и въ иномъ видѣ, чѣмъ прежде...

Теперь мы можемъ подвести итоги нашему изслѣдованію.

Популярность и авторитетъ Чернышевскаго среди демократической интеллигенціи своего времени были очень велики. Естественно поэтому предположить, что если вторая половина шестьдесятыхъ годовъ является началомъ нашего кооперативнаго движенія, принявшаго въ настоящее время столь внушительные размѣры, то не малая доля начинаній въ этомъ направленіи была сдѣлана именно подъ вліяніемъ проповѣди автора примѣчаній къ „Основаніямъ политической экономіи“, Милля и романа „Что дѣлать?“.

Какъ удостовѣряетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Н. П. Баллинъ, одинъ изъ піонеровъ нашей кооперації—„Знаменитая швейная романа, „Что дѣлать?“... вызвала въ Россіи по крайней мѣрѣ столько же подражаній, сколько вызвала подражаній Рочдэльскимъ піонерамъ исторія ихъ, написанная Холіокомъ“.

Правда, движеніе это приняло иныя формы, а достигнутые пока результаты оказались несравненно болѣе скромными, чѣмъ думалъ Чернышевскій, но въ этомъ отношеніи онъ раздѣлилъ ту же участь, какъ и тѣ великіе утописты Запада, которые вдохновляли его. И во всякомъ случаѣ, это нисколько не умаляетъ его заслуги, какъ перваго убѣжденнѣйшаго и талантливаго теоретика и пропагандиста идеи кооперації, объединенія трудящихся—какъ производителей и потребителей.

Когда онъ выступалъ на литературное поприще, идея ассоціаціи считалась—говоря его словами—„злодѣйственной нелѣпостью“; *послѣ* же него она стала достояніемъ широкихъ круговъ интеллигенціи, а

затѣмъ и трудящихся народныхъ массъ, и однимъ изъ популярнѣйшихъ лозунговъ нашей общественной жизни.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Чернышевскій еще много могъ бы дать для разработки теоріи и пропаганды идеи кооперації, но, къ сожалѣнію, обстоятельства сложились иначе. Его радикальные по тогдашнему времени взгляды въ области крестьянскаго вопроса и политическихъ реформъ, а также авторитетъ среди демократической молодежи—показались опасными въ тѣхъ общественныхъ кругахъ, которые руководили нашей внутренней политикой. 7 іюля 1862 г. онъ былъ арестованъ по обвиненію въ противоправительственной дѣятельности и преданъ суду дореформеннаго сената, который постановилъ: „за злоумышленія къ ниспроверженію существующаго порядка и за сочиненіе возмутительнаго воззванія „Къ барскимъ крестьянамъ“ и передачу онаго для напечатанія въ видахъ распространенія лишить Чернышевскаго всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на рудникахъ на 14 лѣтъ и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда“.

По поводу этого суроваго приговора впослѣдствіи академикъ Никитенко—человѣкъ очень умѣренный—сообщаетъ, что когда онъ обратился къ сенатору Любошинскому съ вопросомъ, доказано ли юридически, что Чернышевскій виновенъ въ томъ, за что его судили, тотъ отвѣтилъ, что извѣстныхъ ему юридическихъ доказательствъ нѣтъ, но что моральныя убѣжденія противъ него... 7 апрѣля 1864 г. приговоръ былъ высочайше утвержденъ съ сокращеніемъ срока на половину, и Чернышевскій отправился на каторгу. По отбытіи срока ея онъ былъ поселенъ въ Вилюйскѣ, гдѣ и пробылъ до 1883 г., когда ему разрѣшено было вернуться въ Европейскую Россію. Здоровье его было уже сильно расшатано къ этому времени, и 17 окт. 1889 г. онъ скончался въ Саратовѣ на шестьдесятъ второмъ году жизни.

Послѣ Чернышевскаго въ нашей литературѣ появляется цѣлый рядъ трудовъ по кооперації; такъ, напримѣръ, въ шестидесятыхъ годахъ были изданы—Торнтонъ—Трудъ, его ложныя требованія и законныя права, его настоящее положеніе и возможная будущность, Пфейферъ—Ассоціаціи. Настоящее положеніе рабочаго сословія и чѣмъ оно должно быть, Муро—Заработная плата и кооперативныя ассоціаціи, Колинсъ—О потребительныхъ ассоціаціяхъ, Тернеръ—О рабочемъ классѣ и мѣрахъ къ обезпеченію его благосостоянія, Бибиковъ—Современныя утопіи, Садовскій—О развитіи рабочихъ ассоціацій, Зиберъ — Потребительныя общества, Михайловъ — Ассоціаціи. Очерки практическаго примѣненія принципа кооперації въ Германіи, Англіи и во Франціи и т. д. Но это были все или переводы или компиляціи иностранныхъ авторовъ. Людей же, которые бы разрабатывали вопросы кооперації съ тѣмъ воодушевленіемъ, глубиною познаній и широтой кругозора, какія были свойственны Чернышевскому, у насъ уже не появилось болѣе—и изъ этого одного можно видѣть, какую огромную потерю въ его лицѣ понесла наша кооперативная мысль.

Г БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ 8/VII-53

Серія „Библіотека кооператора".

№ 1. **К. К. Суздальцевъ.** Копейка рубль бережетъ. Съ рис. 5-е изд. — р. 20 к.
№ 2. **Е. Ф. Волкова.** „Пророкъ разумнаго о-ва" Р. Оуэнъ. Съ портр. 2-е изданіе . . . . . — „ 75 „
„ 3. **М. Хейсинъ.** Что долженъ знать и дѣлать членъ о-ва п-лей — „ 35 „
„ 4. **Кассау.** Организація и практика потребит. кооперацiи въ Англіи . . . . . — „ 60 „
„ 5. **И. Никольсонъ.** На зарѣ кооперацiи. Разсказы для юныхъ кооператоровъ. 2-е изд. . . . . — „ 40 „
„ 6. **П. К-овъ.** Вздорожаніе жизни и потребит. кооперація . . . — „ 30 „
„ 7. **Л. Армандъ.** Душа кооперацiи . . . . . — „ 20 „
„ 8. **Меркуловъ.** Истор. очеркъ потребит. коопер. въ Россіи . . . — „ 60 „
„ 9. **Кларкъ.** Люди, боровшіеся за насъ (романъ) . . . . . — „ 75 „
„ 10. **Пажитновъ.** Н. Г. Чернышевскій, какъ первый теоретикъ кооперацiи въ Россіи. 3-е изд. . . . . — „ 30 „
„ 11. **Мундингъ.** Права и обязанности кооперативныхъ служащихъ. 2 части. . . . . — „ 75 „
То же. Отдѣльный оттискъ I части . . . . . — „ 30 „
„ 12. **Тотоміанцъ.** Фурье и кооперація . . . . . — „ 5 „
„ 13. **Бертранъ.** Что долженъ знать каждый потребитель. 2-е изд. — „ 8 „
„ 14. **С. Бондаревъ.** Частная торговля и потребительская лавка — „ 35 „
„ 15. **Г. Мюллеръ.** Настоящее и будущее потребительской к-ціи . — „ 15 „
„ 16. **Ш. Жидъ** Общества потребителей. Ч. I. . . . . — „ 50 „
„ 17. **Ш. Жидъ.** Общества потребителей. Ч. II. . . . . — „ 60 „
„ 18. **В. Тотоміанцъ.** Кооперація и борьба съ дороговизной . . — „ 12 „
„ 19. **Ф. Швейцеръ** Общество Потребителей—другъ и помощникъ хозяйки . . . . . — „ 12 „
„ 20. Права и обязанности кооператора . . . . . — „ 5 „
„ 21. **Тюрбертъ.** Англійская Женская Кооперат. Гильдія . . . — „ 40 „
„ 22. **Додэ-Бансель.** Кооперація во Франціи 2-ое изд. . . . . — „ 30 „
„ 23. **Вериьянини. Христіанъ.** Кооперація въ Италіи . . . . . — „ 15 „
„ 24. **Г. Давидъ.** Что даетъ п-ное о-во женѣ рабочаго — „ 15 „
„ 25. **З. Ленскій.** По кооперативной Европѣ — „ 90 „
„ 26. **Б. Веббъ.** Кооперація въ Великобританіи 1 „ 20 „
„ 27. **С. и Б. Уэббъ.** Потреб о-ва въ Великобританіи — „ 50 „
„ 28. **Пажитновъ.** Международный кооперативн[illegible]
„ 29. **А. Татарчуковъ.** Рабочій и кооперація.
„ 30. **Ш. Жидъ.** Кооперація, какъ эконо[illegible]
„ 31. „ Враги кооперацiи . . .
„ 32. „ Двѣнадцать заповѣдей
„ 33. „ Царство потребителя
„ 34. „ Пророчество Фурье . . .
„ 35. „ Будущее кооперацiи . . .
„ 36. **П. Злоказовъ.** Суррогаты кооперацiи.
„ 37. **Вл. Махновецъ.** Коопер. курсы заграни[illegible]

Серія „Чтенія по кооперацiи с[illegible]

№ 1. **М. Хейсинъ.** Что такое об[illegible]
польза Съ 25-ю рисунками
„ 2. **М. Хейсинъ.** Потребительск. коопер[illegible]

Серія „Для кооперативн[illegible] ганды

№ 1. Какъ всѣ у мужика въ долгу ост[illegible]
„ 2. Волшебный корабль или братская помо[illegible]
3-е изд
„ 3. Какъ общество потребит. постро[illegible] съ [illegible] мельницу, с[illegible]
2-е изд. 8 „
„ 4. Зовите женщину, съ рис. 10 „
„ 5. Міръ кооперацiи. 2-е изд. 10 „
„ 6. Кооператоръ наизнанку „ 7 „
„ 7. Отъ малаго къ большому „ 8 „
„ 8. Сонъ въ лѣтнюю ночь. . . . . — „ 10 „

(Продолж. на 4-й стр. обложки).

V. Культурно-просвѣтительная дѣятельность кооперативовъ.

Л. Армандъ, А. Никитинъ, А. Зеленко и И И. Кондаковъ. Народные Дома. Съ приложеніемъ образцовыхъ уставовъ, плановъ и смѣтъ разн. типовъ Народныхъ Домовъ . . . . . 1 р 50 к.
Л. Армандъ. Кооперація и Народные дома. (Съ рис.) 2-е изд. . . — „ 8 „
П. Блиновскій. Гимны кооперации. Стихотворенія. . . . . — „ 90 „
Гейерманнъ.—Гибель „Надежды", пьеса въ 4 д. . . . . — „ 60 „
М. Горькій Ѳома Гордѣевъ, передѣлано для сцены . . . . . — „ 5 „
А. Клепиновъ. „Въ Низинахъ", сцены въ 4 дѣйств. 2-е изд. . . — „ 40 „
С. Крюковъ. Дѣти—граждане будущаго. Дѣтскіе площадки и клубы. — „ 12 „
Ноты: „Пѣснь объединенія"—слова Бушуева, музыка А. Н. . . . — „ 10 „
А. Подсосовъ. „Въ борьбѣ", драма въ 4 дѣйств. 2-е изд. . . . — „ 30 „
Шишкинъ. Театръ и общества потребителей . . . . . — „ 5 „
Его же. Кулакъ, пьеса (по И. Никитину) . . . . . — р. 10 к.
Его же. „Въ мутной водицѣ", пьеса въ 1 дѣйствіи. . . . . — „ 5 „
А. Чеховъ. Четыре разсказа (Унтеръ Пришибеевъ, Торжество побѣдителя, Хамелеонъ, Хористка), передѣланные для постановки въ народн. театрахъ. . . . . — „ 10 „
Изъ практики культурно-просвѣтительной дѣятельности кооперативовъ. . . . . — „ 50 „

VI. Популярныя листовки.

№ 1. Полвѣка русской потреб. кооперации . . . . . За сотню 3 р. 50 к.
„ 2. Безтоварье и продовольственныя карты . . . . . „ „ 2 р. 50 „

VII. Популярные листки для кооперативной пропаганды.

За сотню 60—к., за тысячу 5—р.

VIII. Кооперативныя открытыя письма.

Сер. III. Портретная галлерея кооператоровъ. . . . . За серію 20 к.
„ IV. Портретная галлерея кооператоровъ. . . . . „ 15 „
„ V. Разныя . . . . . „ 10 „
„ VI. Московскій Союзъ Потребительныхъ Обществъ . . . „ 20 „
Цвѣтныя открытыя письма. № 1. Бѣдный потребитель, № 2. Рабочій кооператоръ . . . . . За 1 откр. 3 „

IX. Плакаты.

1. Десять правилъ для члена потребительнаго общества. 3-е художеств. изд., печ. въ 2 краски . . . . . Цѣна 30 к.
2. Сила кооперации. Въ двѣнадцати яркихъ цвѣтныхъ рисункахъ, исполненныхъ на одномъ листѣ, изображено развитіе кооперации въ деревнѣ и перерожденіе этой деревни подъ вліяніемъ кооперативнаго движенія. Подъ каждымъ рисункомъ объяснительный текстъ въ стихахъ. Ц. картины 30 к.
3. Кооперативныя изреченія. Каждый плакатъ содержитъ кооперативное изреченіе, въ красивой рамкѣ и отпечатанъ въ 2 краски.

№№ 1, 2, 3 и 4 по 20 коп. ▣ №№ 5 и 6 по 30 коп.

4. Долой кредитъ. Печ. въ 3 краски . . . . . Цѣна 30 коп.
5. Географическая карта Московскаго Союза Потребит. О-въ съ приложен. списка союзныхъ о-въ . . . . . Цѣна 50 коп.

Выписывать изъ книжнаго склада М. С. П. О. Москва, Н. Переведеновка, с. д.

Цѣна 30 коп.

Типографія И. С. КОЛОМІЕЦЪ, Москва, Арбатъ, 7.